

НИКА ЁРШ

ФАКУЛЬТЕТ
ОБЩИХ
ПРЕОБРАЖЕНИЙ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е80

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*
Иллюстрация на обложке *Е. Совы*

Ёрш, Ника.
Е80 Факультет общих преобразений / Ника
Ёрш. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (Акаде-
мия Магии).

ISBN 978-5-04-108302-1

В мире магии и волшебства есть место и обычным лю-
дям. Они живут, мечтая о простых вещах. Но что делать,
если привычный мир рухнет в одночасье и жизнь висит
на волоске? Бежать. И не куда-нибудь, а в тайную акаде-
мию, где обучают преобразению! Магический грим, уме-
лые руки красавца-проректора и смекалка даже простую
девушку могут изменить до неузнаваемости.

Сумеет ли Бриана стать своей среди тех, кто с детства
обучен колдовать? Сможет ли избежать наяву встречи с
собственным кошмаром? Настало время преобразений.
И только интуиция подскажет, под какой маской прячет-
ся талантливый преступник, цель которого — любой це-
ной уничтожить единственного свидетеля.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108302-1

© Ёрш Н., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

С предвкушающей улыбкой я стояла у окна и мяла в руках сложенный вчетверо лист бумаги. Ну что ж, хватит томить себя ожиданием!

Открыв письмо, я жадно прочла:

«Привет, Брианка!

*Я служу нАрмальнА скорА уже вИрнусь к тИбе.
Митяй привет перИдает. ЧИво писать еще и нИзнаю.
Ты мИня все время просишь еще написать, а новАВо
ничеВо нет. Вот приду погАварим.*

Твой Глеб».

Я тоскливо вздохнула и сложила письмецо пополам. Уж лучше бы и правда не отвечал! Ошибка на ошибке, и рассказать по-прежнему нечего...

Зато в плечах широк и красавчик первый на всей деревне!

Кого еще выбирать было? Варика? Так он косой совсем. Пражик — хилый и немощный. С Роланом говорить интересно, он веселый, но прыщами весь покрыт — смотреть противно. Эх, можно было бы слепить из них всех одного, но самого-самого! Тогда счастье было бы настоящее! Все девчонки в нашем Верховском мне бы завидовали!

Возглас матери оборвал милые сердцу размышления.

— Брианка! Где ты застряла, дочка?! Отец скоро придет! Прячь наши покупки, а то крику не оберешься!

Я опомнилась, сунула письмо в декольте и спешно бросилась убирать в шкаф новое платье с накидкой, купленные сегодня на ярмарке. Открыв створки, хорошенько выругалась, так как в считанные секунды оказалась завалена кучей нажитого добра. И что возмутительно — столько одежды, казалось бы, а носить все равно нечего!

— Вот ты где! Чего не отзываешься? — Мама подошла ко мне и стала помогать втискивать все наряды в шкаф. — Надо бы половину раздать людям. Платья прошлогодние и юбки все равно уже носить не станешь... Отдай их Феньке своей, а то у нас только зря место занимают.

— Отдам, мам. Вот завтра позову ее — и будем показ мод устраивать! Что понравится — себе заберет.

Я счастливо заулыбалась, предвкушая.

— Вот и правильно. А то скоро прятать обновки некуда станет.

Закрыв наконец шкаф, я кивнула, вздохнула и сообщила:

— Мне Глебушка письмо прислал, скоро уже вернется...

— И хорошо, — отозвалась мама. — Отец — пока при должности — пристроит его на оплачиваемую работу. Глядишь, и семью будет на что содержать, и в люди выбьется. Может, еще и отца переплюнет!

Я неопределенно повела плечом, не соглашаясь и не отказываясь от помощи. В то, что Глеб моего отца переплюнет, верилось с трудом — вспомнить хоть бы его манеру общения и неспособность поддерживать малейшую беседу... Зато в поцелуях он тот еще мастер! Только об этом я, разумеется, промолчала.

Согласившись с родительницей, перевела тему на более важную:

— Мамочка, а можно я сегодня вечером с Фенькой погулять пойду? Ненадолго совсем. Говорят, на пустошь такой театр приехал — глаз не оторвать!

— Конечно, можно. Только в десять домой чтоб пришла, — улыбнулась мама. — Сама знаешь, как отец к этим твоим актеришкам относится.

Взвизгнув от счастья, я звонко поцеловала ее в щеку, выкрикивая:

— Спасибо! Буду ровно в десять, а может, даже и раньше!

Мама вышла, качая головой и что-то приговаривая о моем поведении и о том, что взрослеть пора давно... Только мне было все равно! Кружась по комнате, я счастливо смеялась, представляя, сколько веселья нас с подружкой ждет вечером!

* * *

Спектакль был просто чудесный! Люди аплодировали стоя, выкрикивали «Браво!» и «Бис!», забрасывали актеров полевыми цветами и даже медными монетами. Моя подружка, Фенька, стояла рядом со сценой и визжала от восторга. Да я и сама вся рас-

краснелась, не в силах прийти в себя от полученного удовольствия. Какая же, должно быть, удивительная жизнь у актеров — просто мечта! Все ими восхищаются, их обожают...

Только все хорошее когда-то заканчивается, и время близилось к десяти. Пора было возвращаться домой, пока отец меня не хватился.

— Идем, Брианка, глянем за кулисы хоть одним глазком!

Подруга дернула меня за рукав и, не дождавшись ответа, стала пробираться через толпу.

Подумав всего долю секунды, я решила не возражать и отправилась следом.

Обежав большой цветной шатер, мы остановились у задней двери и переглянулись. Голубые глаза Феньки горели настоящим азартом, русая коса местами расплелась, и из нее во все стороны торчали тонкие прядки волос.

— Ну ты и красотка! Неужели и у меня такой же видок? — Я с любопытством ощупала свои светлые косы и прижала холодные ладони к разгоряченным щекам. — Ой, что ж мы делаем-то! Если поймают — стыда не оберемся!

— Не поймают! — хитро щурясь, сообщила Фенька. — Хочу на барда того хоть одним глазком посмотреть. Мы только за дверку заглянем — и сразу назад, обещаю!

И мы заглянули...

Сначала за одну дверку, потом за другую... Пока откуда-то позади не раздалась приближающиеся шаги.

— Скорее, идем внутрь, пока нас не увидели! — Фенька ужом проскользнула в темную комнатку, по-

тянув меня следом. — Ох, у меня так сердце стучит, вот-вот из груди вырвется! Сама потрогай!

Я хотела сказать, чтоб она замолчала, но меня опередил тихий мужской голос:

— Надеюсь, что оно все же останется при вас, юная барышня. Не хотелось бы потерять такую красоту.

Каким чудом я не закричала — не знаю. Подруга тоже испугалась: прижалась ко мне, дрожа всем телом. Немного привыкнув к темноте, я огляделась и смогла различить фигуру мужчины, развалившегося на небольшом диванчике.

— Ой, матушки мои! — прошептала Феня, и лицо ее озарила совершенно счастливая улыбка. — Вы же тот самый. Этот! Который того...

— Ну, со мной, кажется, все ясно. А вот кто вы?

— А я смотрела на вас там. — Фенька неопределенно махнула рукой в сторону. — Вы так пели! Вы так... пели!

— Ш-ш-ш... — Я зашипела на распалившуюся подружку, с опаской оглядываясь на дверь. — Не хватало еще, чтобы нас обнаружили. Простите, господин бард, мы просто шли домой, только ноги не туда завели...

В повисшей тишине было слышно, как часто и громко дышит моя спутница. Она поела глазами того самого мужчину, ради которого мы сюда пробирались.

Только теперь в моей голове стали появляться запоздалые вопросы: что же дальше делать и зачем я сюда пошла? Появилось и запоздалое чувство неловкости за свое присутствие в комнате незнакомца.

Внезапно что-то щелкнуло, и меня ослепил яркий холодный свет. Я зажмурилась от неожиданности, а открыв глаза, никого на диване не обнаружила.

— Что за чертовщина?! — клянусь, слова сами вылетели из моего рта.

— Ай-яй-яй, девушка, кто же вас так выразаться научил? — Горячее дыхание в самый затылок заставило меня подпрыгнуть. — Не стоит пугаться, все хорошо. Так вы говорите, ноги вас не туда завели?

— Так-то да, шли-шли, а потом раз — и уже здесь. — Фенька отодвинула меня в сторонку и, «ненавязчиво» выпятив грудь, пошла в наступление. — Как неожиданно, что и вы здесь. Ведь кто угодно мог быть, а вот на ж тебе! Это вы.

— Это не я, барышня, это — сама судьба! У меня и песня есть на подобную тему...

— Ой, как бы я хотела ее услышать!

— Тогда позвольте мне проводить вас и вашу подругу по домам, и я с удовольствием исполню лучшие свои романсы. Прошу за мной, мои очаровательные нимфы.

С этими словами мужчина развернулся и вышел в коридор. Мы последовали его примеру.

Я шла последней и размышляла о наболевшем: только днем мечтала соединить все лучшие качества и слепить идеальную мужскую особь, — и вот, пожалуйста! Бард, имя которого я не удосужилась запомнить на выступлении, был необычайно хорош: высокий блондин, косая сажень в плечах, глаза синие, как небо перед зарницей... А уж голос! Слушаешь его, и душа песней отзывается! Только вот подруга этого певуна первой заприметила, так что придется

идти домой, писать очередное письмо своему Глебушке и ждать его многословного ответа.

Тем временем, пока я предавалась своим невеселым думам, мы вышли из шатра и по узкой окольной тропинке стали продвигаться к деревне.

Фенька без усталости болтала, хотя обычно из нее при чужаках слова вытянуть невозможно, а песняр слушал, кивал и изредка на меня поглядывал. Мешала я им, видать, поговорить нормально. Так куда же мне деваться? Кругом лес — хоть и редкий, а самой идти страшно.

Опустив голову, я приотстала от сладкой парочки и пошла медленнее, на ходу сочиняя будущее письмо.

— А что, подруга-то твоя всегда такая неразговорчивая или это я ее так смутил?

— Всегда, всегда. — Фенька мне подмигнула и кивнула заговорщицки, мол, молодец, все правильно делаешь.

— А я не привык, чтобы кто-то скучал в моем обществе! Иди-ка сюда, чего бросила нас? Так, барышники, меня зовут Айван. Увидел вашу красоту и представиться позабыл! Куда только мои манеры девались?..

Мы с подружкой свои имена назвали, между собой похихикали и пошли дальше все вместе. Бард заливался соловьем: рассказывал байки про свои странствия с актерами, читал красивые стихи и непрестанно делал нам комплименты.

Но, как ни старались мы идти медленнее, мой дом все равно вырос перед нами и с укором взглянул на свою юную хозяйку двумя окнами, в которых горел свет лампад.

— Мне пора. Я еще в десять обещалась прийти.

Грустно вздохнув, помахала удаляющейся парочке и пошла к высокому деревянному забору. Эх, и повезло же Феньке — ее дом на самой окраине, туда минут десять еще идти, и это если не останавливаться по пути...

На небе давно уже сияли звезды, а значит, опоздала я минимум часа на два. Снова тяжело вздохнув, потянула на себя калитку...

Дома меня ждал скандал. Разъяренный отец поминал лешего, чертей и святых гоблинов, а также ругал маму за ее мягкотелость и меня за неумение держать свое слово.

Я смотрела в пол и усердно изображала самую раскаявшуюся девушку в мире. Спустя полчаса папа иссяк, от души сплюнул на пол и, закончив обвинительную речь любимым: «Да что я перед вами, бабам, распинаюсь-то!» — удалился в свой кабинет.

Мама проводила меня в мою комнату и расспросила о том, что случилось этим вечером. Я всегда делалась с ней абсолютно всем, зная, что она поддержит и поймет в любой ситуации. Так было и в этот раз.

Поохав и пожурив за опоздание, мама мечтательно закатила глаза и улыбнулась:

— Эх, где мои восемнадцать? А впрочем, я еще тоже о-го-го, правда?

— Ты у меня самая лучшая!

— Ладно уж, подхалимка, ложись спать. А я пойду папу нашего обниму да приласкаю. Заставила ты нас понервничать! Заодно про актеров этих расспрошу, кто они да откуда... А то мало ли.

Чмокнув меня в щеку, мама встала с кровати и ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Поворочавшись немного, я погрузилась в нежные объятия сна.

* * *

Уже почти три дня я не видела Феньку. Мне самой выходить запретили: приходилось помогать по хозяйству и с тоской ожидать, пока папа сменит гнев на милость. Однако он возвращался очень поздно и был совершенно не в духе, так что даже мама не могла на него повлиять.

Наступил очередной безрадостный вечер, было ужасно скучно и одиноко. Подойдя к окну и собрав все силы, я написала подруге письмо, сложила из него журавлика и отправила по ее адресу с кучей вопросов и предложением увидеться.

По телу сразу разлилась противная слабость, а в глазах зарябило. Эх, как жаль, что папины силы не передались мне! Сколько всего можно было бы сделать, будь я хоть немного более развита магически!

С детства со мной занимались многочисленные учителя, специально выписанные им из города. Они прививали мне манеры, воспитание и впихивали в меня кучу совершенно ненужных в нашем селе знаний и умений. А вот уроки по развитию магических способностей отец запретил — сил у меня было настолько мало, что я слишком быстро истощала все резервы. После одного эксперимента даже лекаря пришлось вызывать — я потеряла сознание и долго не приходила в себя...

От воспоминаний меня отвлек подозрительный шорох за окном. Прислушиваясь, я подкралась на цыпочках поближе и с удивлением обнаружила на улице жестикулирующего Айвана. Щелкнув по маг-защите на окошке, высунулась наружу.

— Здравствуй, Бриана, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Здравствуй. Ты чего? Где Фенька?

— Дома, переодеваться пошла, а то похолодало. — Он передернул плечами, будто и сам замерз. — Слушай, я тебя попросить кое о чем хотел, можно?

— Попробуй.

— Я тебе дам сейчас одну штуку, а завтра вечером забегу и заберу в это же время. Просто таскать с собой неохота, понимаешь? — Бард говорил, а сам оглядывался по сторонам и постоянно горбился, словно прятался от кого-то. — Вот. Это медальон-оберег, он мне очень дорог, боюсь в темноте потерять.

— Так зачем носишь с собой? — Я протянула руку и взяла небольшой серебряный медальончик. На нем был выгравирован красный полукруг, рассеченный молнией.

— У нас в шатре кто-то лазил этой ночью, до смерти одну актрису напугал... Оставлять там не стал, мало ли. Так я пойду? Меня Фенька уже ждет, наверное. — Айван попытался улыбнуться, но от этого лицо его стало совсем потерянным. — Ты не показывай мой оберег никому, идет?

— Кому мне его показывать, ты же завтра его заберешь...

Бард несколько раз кивнул, хотел еще что-то сказать, но не стал. Махнул рукой и поспешил назад, все время оглядываясь по сторонам.

Я провожала взглядом ссутулившуюся фигуру парня, пока он не скрылся из виду.

Странный он какой-то сегодня, кажется, его все-рвез напугал кто-то. Вот придет Феня — все у нее расспрошу. Может, наши местные ребята побить ее нового ухажера грозились?

Положив медальон в тумбу у изголовья, я забралась в кровать и открыла начатый вчера эльфийский романчик.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем меня снова отвлекли от книги. Кто-то вновь шебуршил под моим окном.

— Кто там? — тихонько спросила я.

— Я... У-у-у... Брианка-а-а, у-у-у... — Фенька приставила к стенке маленький пенек, валявшийся во дворе, и, забравшись на него, явила мне свой заплаканный лик.

— Что с тобой, чудо ты мое?

— Ой, тут такое... такое... Сейчас, отдышусь немного... — Несколько раз глубоко вздохнув, подруга разразилась слезной тирадой: — Все было так хорошо, еще вчера я была самой счастливой в мире, понимаешь? Ну, ты же видела, какой он? Все! Это тот самый, Брианка! Только его я и ждала все эти годы!

— Тебе только семнадцать...

— Не перебивай! Он меня на руках носил, песни пел, с собой взять обещал... А утром пропал куда-то! К ним в шатер ночью грабители влезли, девушку убили и орка-атлета ранили сильно. Так я, как узнала об этом, сразу туда примчалась. А его нет уже, пропал! Понимаешь?

Я задумчиво кивнула и бросила косой взгляд на свою тумбу. Хм, как он там говорил? Девушку «до смерти напугали»?..

— Ну и вот. Я была там, искала его, искала, но все напрасно! А вечером, несколько часов назад, к нам Михай приходил, городничий. Его специально выслали к нам, учения прервали... Расспрашивал меня, где, мол, Максимилиан Эдинггейский. На него указание пришло, разыскивается он!

— А кто это, Максимилиан Эдин... как-то там?

— Максимилиан Эдинггейский! Это Айван. Я и карточку с его изображением видела, а на ней написано «Особо опасен!». Нарисовал кто-то от руки, не очень точно получилось, но я его сразу узнала. — Подруга закрыла ладошками лицо и снова разразилась слезами. — А теперь совсем не знаю, что и думать! Он же мне клялся, что заберет с собой! Он же мне... клялся-я-я...

— Ты не реви, Фенька, может, и к лучшему, что он того... пропал? «Особо опасен» просто так на карточках не пишут.

— Ничего ты не понимаешь! Знаешь, сколько безвинно наказанных есть?! Ты просто завидуешь, что он выбрал не тебя! Он придет за мной, вот увидишь! — Вдруг подруга схватилась за голову и заозиралась по сторонам. — Ой, что ж я дура-то такая! Может, он сейчас уже за мной пришел, ждет меня, ищет. А я здесь, с тобой....

Соскочив на землю, Фенька помчалась к калитке.

— Стой ты, глупая! Остановись, говорю! — Я выругалась вслед исчезающей из виду подруге и кинулась из своей комнаты в кабинет к отцу. — Папа! Там Фенька приходила, тут такое!..

Мой рассказ был очень сумбурным и сбивчивым, но отец уяснил главное.

— Так твоя непутевая подружка все-таки завела шашни с этим песняром?! Я говорил тебе, держите себя в руках, думайте головами! Тьфу, бабы — они с малолетства бабы! Сиди дома. Окна запечатайте магией, никому не открывать, ясно? Сколько раз я твердил, что эти ваши вылазки до добра не доведут! Ладно, во всем сам разберусь!

Я лишь стояла и кивала, как игрушечный болванчик, думая только о том, чтобы все обошлось. Про медальон и визит барда я ничего не рассказала, решив, что не стоит нервировать отца еще больше.

Наступила ночь, а папа все не возвращался. Мама всюду расставила защитные артефакты и отправилась спать, сказав, что утро вечера мудренее. Я немного послонялась по дому и тоже прилегла, достав из тумбочки медальон.

Сначала долго крутилась, рассматривая чужую вещь, и прислушивалась к малейшим порывам ветра за окном. Несколько раз вскакивала и подолгу всматривалась во тьму, но, никого не обнаружив, возвращалась в постель.

А потом зашла мама, и пришлось спешно надеть медальон на шею, потому как прятать его было уже некогда. Мы немного поговорили, и я провалилась в сон, так и не сняв с себя украшение...

...Медленно продвигаясь по нашему редколесью к северо-западу от села, я тихо звала свою лучшую подружку. Вокруг стояла такая гробовая тишина, что ноги не слушались, а чувство тревоги наставительно советовало поворачивать назад. Куда же пропала Фенька? Ведь я видела ее только недавно!